УДК 930.1

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-139-148

ЭМАНСИПАЦИЯ ИСТОРИИ ПО К. ДЖЕНКИНСУ

Егоров Д. И.

Независимый исследователь

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить практическую значимость рекомендаций К. Дженкинса по развитию теоретико-методологического содержания исторической науки.

Процедура и методы. В статье представлены основные положения работ К. Дженкинса по теории истории. Проведён критический анализ проекта исторических исследований в русле восприятия и внедрения постмодернистских концептов, подходов и идейных установок, которые предложил осваивать британский историк.

Результаты. Определена методологическая несостоятельность предложенных К. Дженкинсом реформаторских нововведений, обусловленная преувеличением значения «лингвистического поворота» в современной западной историографии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение постмодернистской исторической мысли.

Ключевые слова: эмансипация, постмодернизм, «лингвистический поворот», мета-нарратив, эмпиризм, объективизм, деконструкция

EMANCIPATION OF HISTORY BY K. JENKINS

D. Yegorov

Independent researcher

Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the practical significance of K. Jenkins' recommendations on the development of the theoretical and methodological content of historical science.

Methodology. The research follows the main provisions of K. Jenkins' works on the theory of history. A critical analysis of the project of historical research is conducted in line with the perception and implementation of postmodern concepts and approaches, which the British historian proposed to master.

Results. The findings determine the methodological inconsistency of the reformatory innovations proposed by K. Jenkins, due to the exaggeration of the significance of the "linguistic turn" in modern Western historiography.

Research implications. The research contributes to the study of postmodern historical thought.

Keywords: emancipation, postmodernism, “linguistic turn”, meta-narrative, empiricism, objectivism, deconstruction

Введение

Современный британский специалист по теории истории и историограф Кит Дженкинс – популяризатор идей постмодернистской философской мысли и деконструктивистских исследовательских подходов. В его работах изложены ключевые концепты представителей постмодернизма, рассмотрено их значение применительно к целям и задачам будущего развития историографии. В первую очередь, они предназначены для студентов-историков с целью критического пересмотра ими усвоенных из университетского образования критериев и принципов исторического познания, для разработки саморефлексивного мышления, для адекватного понимания социокультурных тенденций настоящего времени. Достижение этого открывается через радикальную релятивизацию эпистемологических, методологических, этических оснований академической традиции историописания, эмансипацию истории – освобождение её от охранительной опеки профессиональной гильдии и её бенефициаров¹.

Критический анализ работ Дженкинса, являющегося самым истовым идеологом постмодернистского направления в историографии, даёт возможность в целостном виде понимать деструктивные аспекты практики внедрения отдельных лингвистических подходов в историческую науку. В борьбе за теоретическое лидерство они были использованы постмодернистами в дискуссиях с оппонентами с целью обосновать, что историописание – это разновидность литературного творчества, для анализа которого наиболее приемлема литературная критика. Представление о содержании данных дискуссий позволяет иметь представление о важных теоретико-методологических проблемах современной западной

историографии, испытавшей сильное влияние «лингвистического поворота».

Основная концепция работ К. Дженкинса

Руководствуясь социологическими взглядами Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Бодрийяра, Дженкинс убеждён, что период постмодерна предваряет кардинальные преобразования во всех сферах общественной жизни. Согласно данным взглядам, наша современность являет собой этап перманентной неопределённости, ярким выражением которой является разочарование во всех теориях социального освобождения:

- просветительского варианта – свобода путём преодоления невежества;
- буржуазного варианта – свобода путём победы над бедностью;
- марксистского варианта – свобода путём отказа от эксплуатации человека человеком и др.

В силу того, что стала очевидным невозможность реализации какого-либо проекта прогресса модернистского типа, сформировалось специфическое мировосприятие – жизнь после конца истории. Точнее, после разрушения иллюзии об историческом развитии, которое стремится к намеченной цели. Отныне исторический опыт не может восприниматься массовым сознанием в качестве источника фундаментальных ценностей, использоваться в прогностических целях и для раскрытия закономерностей социального развития. Наступил крах любых видов мета-нарративов – великих мессианских идей и историй о них («верхний регистр» в работах Дженкинса). Универсализм в философии истории уступил место релятивизму².

Другим выражением постмодерна в общественном сознании стало снижение

¹ Jenkins K. Re-thinking History. L., N.Y.: Routledge, 1991. P. 19.

² Jenkins K. Why History? Ethics and postmodernity. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 56–64.

авторитета и интереса к так называемой научной, «правильной истории» («нижний регистр»). Под ней подразумевается модифицированное наследие позитивизма XIX в., в основе которого – строгий эмпиризм, систематизация данных по индуктивному принципу, объективизм и стремление к непредвзятому описанию средствами логически непротиворечивых понятий. Данный вариант историографии особенно характерен для Великобритании и является главным объектом критики Дженкинса. Дело в том, что академические историки (например, Р. Эванс, Дж. Тош, А. Марвик) не только не видят проблемных мест в собственных убеждениях, но и публикуют труды по теории и методологии для студентов, в которых демонизируют постмодернизм, хотя мало что в нём понимают. Их критику Дженкинс считает безграмотной, нерелексивной и реакционной. Вопросы, поставленные «лингвистическим поворотом», оказались для них бессмысленными. Позиция «правильной истории», лишённая всякой самокритики, оберегает очередную иллюзию о возможности непредвзятого изучения и описания прошлого. Дженкинс полагает, что это лишь иная форма маскировки идеологических убеждений. Эмпиризм, объективизм, обезличенное повествование и т. п. – излюбленные средства кембриджской интеллектуальной элиты в скрытой пропаганде буржуазных ценностей, а точнее – взглядов консервативных тори¹. Поэтому он обращает внимание своих студентов на то, что первой проблемой исследователя должно являться не определение степени достоверности содержания исторических работ, а понимание того, в чьих интересах они написаны².

В совокупности с кризисом в «верхнем» и «нижнем» регистрах, социокультурные потребности настоящего поставили перед историографией необ-

ходимость коренного пересмотра основ исследовательской и образовательной деятельности, по масштабам соответствующего преобразованиям XVIII в., когда провиденциализм уступил место просветительскому рационализму. Необходима новая секуляризация знания, или эмансипация, в определении Дженкинса, освобождение исторической мысли от мифов объективизма на философско-теоретическом и эмпирическом уровне, которые старательно конструировали профессиональные историки с XIX в. с целью замаскировать своё идеологическое измерение прошлого. Конечно, Дженкинс осознаёт, что каким-либо образом устранить тесно связанную с субъективной моралью исследователя идеологию из историописания невозможно. Его проект эмансипации предлагает отказаться от регулятивной функции дискредитировавшей себя установки на объективность и вооружиться прагматической иронией (почерпнуто у Р. Рорти), руководствуясь которой историк отчетливо разграничивает созданную им историю и прошлое, а личную мораль освобождает от опеки определённой этической системы³.

Выполнение задач современных критиков по пересмотру предшествующей историографической традиции иное, чем у рационалистов XVIII в. Просветителям, как им представлялось, достаточно было показать несостоятельность отображённых в тексте религиозных воззрений автора, и «очищенный» разум определит истину и вымысел. Постмодернисту же необходимо выявить идеологические значения текста, которые скрылись под различными «научностями», «реализмами», «объективностями». Речь, правда, уже идёт не о поиске истины и вымысла, а о «практичном» и «непрактичном», и даже не знании, потому что и к этому понятию у постмодернистов настороженное отношение, а в значении.

¹ Jenkins K. On «What is History?» From Carr and Elton to Rorty and White. L., N.Y.: Routledge, 1995. P. 65–71.

² Там же: P. 180–181.

³ Jenkins K. Why History? Ethics and postmodernity. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 1–5.

Эффективное средство на пути к эмансипации истории Дженкинс усмотрел в разработанном Ж. Деррида подходе деконструкции текста. Используя его, критик определяет в произведении характер бинарных оппозиций (варварство/цивилизация; Возрождение/«темные века» и т. п.). Бинарные оппозиции – способ выстраивания иерархии смыслов в обыденном языке, они создают стереотипы восприятия и формируют самоидентификацию их носителя. Поскольку историки используют главным образом обыденный язык, то их тексты выстроены по логике бинарных оппозиций. Однако естественное состояние обыденного языка не иерархическое, а хаотическое – игровое. В нём абстрактные понятия являются аллегорическими. Критик может изобразить их в другом контексте, разрушить стереотип, выявив в нём противоречивые свойства и качества, предложить альтернативную (читательскую) интерпретацию смысловых значений текста. Путей деконструкции много, и все они показывают, что описание историком изучаемого явления в ракурсе бинарных оппозиций отсылает к точке зрения, а не к фактическим реалиям, как бы он не пытался это скрыть якобы непредвзятым повествованием. Сама по себе деконструкция не нацелена на раскрытие новой информации, но она позволяет разрушить иерархическую вертикаль смысловых значений, что особенно присуще линейным мета-нарративам «верхнего регистра». Деконструкция также способствует формированию самосознания критика как этического и идеологического релятивиста, и это лучше, чем лицемерная беспристрастность¹.

Путь к эмансипации истории проходит через вскрытие лингвистических проблем историописания, и в этом плане Дженкинс, в первую очередь, обращает внимание своих читателей на работы Х. Уайта и Ф. Анкерсмита. Концепцию

Уайта он считает несколько устаревшей, возможно, потому что она не полностью соответствует духу постмодернизма. Однако Дженкинс находит её в высшей степени полезной против самоуверенности историков-эмпириков «нижнего регистра», полагающих, что какие-то абстрактные проблемы в постмодернизме не имеют отношения к их практике. Факты истории в равной мере составлены историком, сколь и открыты [5, р. 56–61] – это умозаключение выведено им в ходе изучения образно-эстетического аспекта исторических сочинений, роль которого не ограничивается созданием художественной формы, но является определяющей в процессе конструирования смыслового содержания конкретных данных.

На примере анализа работ историков XIX в. Уайтом было определено, что в предпочтении тех или иных лексических средств выразительности (тропов) находится причина различий взглядов историков и конфликты интерпретаций одних и тех же событий. Данная точка зрения подрывала убеждение о формировании историографии в качестве научной дисциплины в тот период. Прошлое как политический проект – вот тот фундамент, на основе которого историописание, ранее считавшиеся частью литературной традиции, предстало в виде автономной профессионально-исследовательской деятельности. Разорвать связь академического знания и политической идеологии, устранить противопоставление научного исследования художественному творчеству, вернуть в историописание категорию «возвышенного» – таковы важнейшие послы работ Уайта созвучные с представлениями Дженкинса об эмансипации².

Ф. Анкерсмит сделал акцент на семантической неопределённости даже самых строгих исторических понятий (промышленный переворот, буржуазная

¹ Jenkins K. Why History? Ethics and postmodernity. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 28–38.

² Jenkins K. On «What is History?» From Carr and Elton to Rorty and White. L., N.Y.: Routledge, 1995. P. 139–148.

революция и пр.). В зависимости от избранной автором цели и структуры повествования в них могут вкладываться совершенно различные значения и их могут репрезентировать различные данные. В связи с этим он полагает, что это даже не понятия, а нарративные субстанции. Логика же исторического мышления – не научного типа (дедуктивного, индуктивного и др.), а нарративная. Изучить тезисы нарративной философии истории Анкерсмита, которые утверждают неограниченность правдоподобных интерпретаций прошлого и раскрывают историю как форму литературы [1, с. 117–130], Дженкинс рекомендует историкам для рефлексивного осознания специфики собственного дискурса. В эмансипационных же целях данные тезисы позволяют историку принять себя в качестве литератора, ведь именно литераторы наиболее ответственны к средствам выражения своих мыслей и свободны от руководствующих критериев академизма¹.

Наиболее ценные советы, способствующие приспособлению практики историографии к социокультурным реалиям постмодерна, Дженкинс усмотрел в работах Р. Рорти, философские взгляды которого характеризует философией освобождения – освобождения от устаревших, обременяющих значений как в теории познания, так и в социально-политическом дискурсе². Например, понятие «рациональная истина» появилось чуть более 200 лет назад в результате вхождения в обиход дихотомического способа словоупотребления (разумное/чувственное, духовное/материальное, объективное/субъективное и т. п.), как выражение классификационного образа мышления. В каждом историческом периоде формируются свои правила построения логики высказывания, и нет какого-либо правильного словаря. Функ-

ция абстрактных понятий инструментальная, а не отражательная. Более того, Рорти полагает, что высшей формой отображения мышления является метафора, а не умозаключение. Так, истина – это метафора, лишь закоснелая от частого употребления и ошибочно воспринимаемая в буквальном значении. Буквальное толкование метафор происходит во времена господства платонического мировоззрения и его разновидностей (картезианство, кантианство, гегельянство), но ему всегда противостоит софизм³.

Эпоха постмодерна – победа софизма, время, в которое ключевым познавательным средством является скепсис, а доминирующей языковой формой – ирония. Ирония разрушает буквальное значение метафор, мифов и идолов, построенных на их основах. Нации, классы, архетипы – эти и другие метафоры модернистских исторических картин уже крайне условно участвуют в становлении мировоззрения и в самоопределении современного человека. Жить в иронии не просто, но отказ от внесубъективных значений расширяет пространство выбора, развивает привычку жить в условиях случайности и умение лично созидать перспективу. Выбор должен быть прагматичным, и ответственность за выбор должна исключить из сознания историка любой фундаментализм. Таким образом, Дженкинс выводит из взглядов Рорти, что эмансипированная история – это прагматическая оценка вклада одних людей в жизнь других, а не в раскрытие действительности прошлого. Определяющими векторами развития исторического знания в его «верхнем регистре» становится релятивизм, а в «нижнем» – прагматизм⁴.

Анализ взглядов Дженкинса

Время актуальности взглядов Дженкинса пришлось на период 90-х – нача-

¹ Jenkins K. *Why History? Ethics and postmodernity*. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 99–106.

² Jenkins K. *Re-thinking History*. L., N.Y.: Routledge, 1991. P. 115–119.

³ Рорти Р. *Философия и зеркало природы*. Новосибирск, 1997. С. 276–279.

⁴ Jenkins K. *Re-thinking History*. L., N.Y.: Routledge, 1991. P. 102–114.

ло 2000-х гг. Философы постмодернизма сумели дать проницательные характеристики культурным тенденциям общества потребления. На фоне развития СМИ и визуализации информации возрос интерес к разновидностям семиотической критики, в особенности применительно к анализу металогических (образно-эстетических) способов подачи информации. Историки к предложению перекалфицироваться в литераторов отнеслись настороженно, но даже самые убеждённые противники «лингвистического поворота» более чутко стали относиться к противоречиям между нарративом и реальностью, а также позитивно восприняли сокращение объёма политической пропаганды в исторических работах, в чём в некоторой степени есть заслуга постмодернизма. Однако сформулировав массу неразрешимых вопросов и сомнений, большая часть постмодернистских концепций к данному моменту устарела, поэтому уже не может восприниматься историками в качестве средств по переоценке предшествующего опыта, тем более быть теоретической основой для исследовательских подходов.

Прежде всего, следует отметить, что первоначально в ситуации постмодерна усматривался момент зарождения посткапиталистического, постбуржуазного мира, черты которого ещё не были ясны. Это характерно и для Дженкинса, поэтому его эмансипированная история – проект развития исторического знания в принципиально новой среде – можно сказать, в иной формации общественных отношений. В поздних работах он уже соглашается со взглядами Ф. Джеймисона о постмодернизме как культурной логике позднего капитализма¹. При

этом Дженкинс возлагает надежду на то, что постмодернизм включает в себе альтернативу ещё пребывающей в пережитках модернизма современности. Однако остаётся только догадываться, каким образом она себя проявит. Можно многословно и красочно указывать на недостатки общества потребления, но выявлять ему альтернативу в идейных воззрениях угнетаемых социальных слоёв (а не маргиналов, являющихся органической частью бытующих общественных отношений), антиглобалистских движений и т. п. постмодернисты не стали.

Историческая наука – это в первую очередь разновидность социального знания, теоретической основой которого служат реалистичные социологические концепции. Виртуальная вселенная симулякров Бодрийяра, управляемое технологической элитой «атомизированное» общество Лиотара, – эти и другие постмодернистские представления сейчас более похожи на научную фантастику. Их проекция в историческую науку, что не отрицает и Дженкинс, подразумевает презентизм, а это главное препятствие в разработке необходимого историчу рефлексивного мышления.

Оставляя социальные и философские доктрины постмодернизма на усмотрение любителей, обозначим ключевые методологические проблемы «лингвистического поворота», вследствие которых данному направлению не удалось стать полноценной научной парадигмой, способной конкурировать с профессиональной историографией. Конечно, сторонники постмодернизма могут возразить, что причина – политическая, и они не намерены обслуживать государственные интересы, поэтому довольствуются периферией. Но это односторонний аргумент, ведь познавательный потенциал, например, в ядерной физике не сводится лишь к милитаристским целям. Неоднократно упоминалось, что на основе совокупности постмодернистских концепций затруднительно сформировать исследовательскую и учебную программы

¹ В ставшей общепризнанной работе Ф. Джеймисона присутствует анализ исторических и экономических истоков постмодернизма. Архитектура, литература, искусство постмодернизма представлены в тесной взаимосвязи с развитием мультинационального капитализма, что противоречит ранним представлениям о его идеологических основах, как варианте «третьего пути» [2].

с определённой терминологией, предметом анализа и набором идентичных методов обработки информации. Так, например, в исследовании может заявляться, что изучаются социальные мифы в исторических нарративах определённого периода с пониманием мифа в интерпретации Р. Барта, но сам семиотический подход Р. Барта не используется; или что рассматриваются особенности исторического воображения, но риторико-тропологический подход Х. Уайта, который обозначил данное явление, не применяется. Данная бессистемность, когда на какого-либо классика постмодернизма делается ссылка с целью обозначить проблему, но каждый сам «изобретает» методику её анализа, является характерной чертой подавляющего числа работ в духе «лингвистического поворота». От Дженкинса, который предостерегает студентов руководствоваться теоретико-методологическими пособиями Р. Эванса и Э. Карра, т. к. те устарели¹, следовало бы ожидать равноценную замену. Однако его работы также представляют собой нагромождение зачастую противоречащих концептов, отдельные положения которых выдергиваются из контекста лишь с целью критики взглядов оппонентов, а не для предложений того, как следует осуществлять историческое исследование.

Ни одна из деконструктивистских методик анализа текстов не нацелена на получение новой информации. Деконструкция – это игра с текстом, субъективная читательская критика образных компонентов и авторских мотивов в нарративе, написанного на обыденном или художественном языках [4, с. 232–236]. Действительно, можно увидеть справедливую критику националистических, социал-дарвинистских и подобных политизированных исторических мета-нарративов, но всё это начало устаревать ещё с конца XIX в. и без помощи «лингвистического поворота».

¹ Jenkins K. On «What is History?» From Carr and Elton to Rorty and White. L., N.Y.: Routledge, 1995. P. 2.

Большинство профессиональных историков нацелены на проверяемые и достоверные результаты, подчеркивают субъективный характер интерпретаций, выносят личные замечания в комментариях.

Пытаясь сохранить значимость своих методик, постмодернистам приходится утверждать, что историки до сих пор занимаются исключительно нарративным творчеством, причём понятие «нарратив» теперь обладает настолько неопределёнными чертами, что под него можно подогнать даже инструкцию по эксплуатации бытового прибора. В связи с этим нарратив определяется уже не по характерной структуре (завязка–середина–эпилог), а по наличию в нём элемента авторского замысла. Якобы из-за того, что прошлое не является наблюдаемым объектом, авторское воображение обязательно будет конструировать нарратив. При этом, например, за археологическими описаниями ими признаются вполне научные основания, т. к. они имеют дело с материальными объектами.

Подобные утверждения указывают на поверхностное изображение практики исторического исследования. Во-первых, интерпретация данных письменных источников в качественных исследованиях подкрепляется материалом вспомогательных исторических дисциплин. Во-вторых, наиболее продуктивные исторические концепции базируются на материальных основаниях и массовых источниках, изучение объектов которых позволяет получать инвариантное знание [3, с. 145].

Дженкинс сам признает, что к результатам конкретно-исторических работ критикуемого им Р. Эванса он не имеет претензий, но ознакомиться с принципами и критериями его исследовательской практики своим студентам он категорически не рекомендует. Сомнительно, что Эванс достиг бы хороших результатов с акцентом на деконструкцию источниковой информации, отказавшись от установки на объективность.

Деконструктивистская критика оказывается полезной в тех случаях, когда историки используют реальные факты вперемешку с надуманными допущениями, риторическими оборотами с целью настроить читателя на восприятие информации определённым образом. Такая подача исторического материала действительно распространена в СМИ, но это имеет условное отношение к профессиональной историографии и тем более не может являться аргументом отрицания эпистемологических оснований исторического знания. Крайне ограничены возможности деконструкции в критике исторических произведений XIX в., т. к. за скобки необоснованно выносятся теоретико-методологические наработки того времени.

Заключение

В целом постмодернизму присуща иллюзия, что возможно всецело отрицать накопленный опыт и создать принципиально отличную парадигму, хотя в действительности каждая новая парадигма включает в себя рациональное зерно прежней системы знания, лишая её универсальных черт, но сохраняя частную значимость. Эта иллюзия исходит из ошибочного допущения, что логика мышления обусловлена особенностями языка, соответственно речь определяет мировоззрение и практику. Дженкинс предлагает овладевать инструментарием риторики, менять лексикон историков, и таким образом будут создаваться новые представления о событиях и процессах. Разумеется, это не имеет никакого отношения к реалиям научного подхода, и повлечёт лишь конструирование симулякров. Проблема в том, что критика политизированного, по мнению Дженкинса, академизма и объективизма в историографии не способствовала возвращению историческому знанию статуса «возвышенного» и общественно полезного, но рекомендации постмодернистов сводят его к уровню информационного мусора, которого предостаточно.

Проект эмансипации истории возможно в определённой мере сопоставить с секуляризацией знания в просветительской историографии. Как с XVIII в. начали исключать теологическую аргументацию, так и в наше время стараются избегать разного рода политического фундаментализма. Тем не менее, постмодернистская историография, отказавшись от концептуального взгляда на социально-историческое развитие, не внесла продуктивного вклада в этом направлении. Работы в её «верхнем регистре» ограничиваются непрекращающимся пересмотром способов восприятия и отображения прошлого. Отдельные работы в «нижнем регистре» интересны анализом мировоззрения маргинальных социальных групп, но в большинстве своём это историческая беллетристика, иногда даже с вымышленными персонажами, перегруженная маловразумительными терминами, скрывающими эвристическую бедность. Эмансипированное не только от фундаментализма, но и от объективности историописание вынуждено откликаться на эстетические вкусы массового читателя: т. е., в отличие от просветительского рационализма, стремившегося к раскрытию факторов социально-исторического развития с целью влияния на него, постмодернизм лишь приспосабливается к современным реалиям.

Ознакомление с работами Дженкинса может быть полезно студентам-историкам для понимания отдельных лингвистических проблем историописания. Однако важно не упускать из вида, что саморефлексия – это не споры о словах, но умение историка соотносить личное сознание с общественным, а общественное – с социальным бытием. А также то, что собрание исторических взглядов постмодернистов не может заменить собой теоретико-методологические пособия, в которых представлено многообразие методов, а также сфера их ограниченности.

Абсолютизация Дженкинсом значения деконструктивистских подходов в конечном итоге убедила его в непознаваемости прошлого, в будущей «смерти истории» как вида профессиональной деятельности¹. Он излишне восторженно откликнулся на самые смелые постмодернистские идеи, критикуя также цитируемых авторов, если те пытались умерить их радикальность. При этом его способ подачи материала представляет собой «засыпание» читателя массой вопросов и парадоксов, оставляемых даже без попытки разобраться в их сути. В целом

весь пафос «лингвистического поворота» в историографии, представляемого в 80–90 гг. в виде «оживления теории истории», «сокрушение традиций и догм» и пр. ограничился умеренным признанием вклада его деятелей в справедливую критику излишне абстрактных, а потому и антиисторических понятий, бытующих главным образом в философско-спекулятивных и пропагандистских исторических произведениях. Отсутствие ощутимых результатов в сфере конкретно-прикладных источниковедческих исследований оставляет данные методологические подходы невостребованными.

¹ Jenkins K., Munslow A. Introduction // *The Nature of History reader* / K. Jenkins, ed. L., N.Y.: Routledge, 2004. P. 15–17.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
3. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
4. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
5. White H. Interpretation in History // *Tropics of Discourse. Essays on Cultural Criticism*. Baltimore: The Johns Hopkins University press, 1978. P. 51–80.

REFERENCES

1. Ankersmit F. R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2003. 496 p.
2. Dzheimison F. *Postmodernizm, ili Kulturnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow Gaidar Institute Press, 2019. 808 p.
3. Kovalchenko I. D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 486 p.
4. Medushevskaya O. M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoi istorii* [Cognitive history theory and methodology]. Moscow, RGGU Publ., 2008. 358 p.
5. White H. Interpretation in History. In: *Tropics of Discourse. Essays on Cultural Criticism*. Baltimore: The Johns Hopkins University press, 1978. P. 51–80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Денис Иванович – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Москва); e-mail: denyegov1981@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis I. Yegorov – Cand. Sci. (History), Independent Researcher, Moscow; e-mail: denyegov1981@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егоров Д. И. Эмансипация истории по К. Дженкинсу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 139–148.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-139-148

FOR CITATION

Yegorov D. I. Emancipation of history by K. Jenkins. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 2, pp. 139–148.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-139-148